

Skleněný
mustek
2015

ВАДИМ БУСЫРЕВ

ВИРАЖ

Вадим Бусырев

В И Р А Ж

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Вадим Бусырев. «Выраж».

Повесть и рассказы.

Третья книга автора. Можно сказать с полной уверенностью: автор знает не понаслышке то, о чём пишет. Хотя в чём-то наверное и фантазирует. Первые три рассказа посвящены детским и юношеским воспоминаниям. Повесть и остальные рассказы перекликаются с первой книгой: «Круз». И не только морской тематикой и «романтикой», над которой автор не перестаёт подшучивать, но и теми же героями, его поистине «верными друзьями». Вторая книга автора: «Пока играет скрипач». Необходимо отметить традиционное для всех трёх книг – художественное оформление, выполненное другом и коллегой автора: М. А. Ивановым – доктором геолого-минералогических наук, прекрасным самобытным художником. Войдите в «Выраж» вместе с В. Бусыревым, с его «морячками». Не пожалеете.

Художник: М. А. Иванов.

© Вадим Бусырев 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-019-1

Содержание

1. КТО ГРУЗИН?
2. МЕЛОДРАМА
3. ЧЕГО РАДИ?
4. ПЕРВЫЙ БЛИН
5. ОГНЕННАЯ ВОДА
6. НОРМАЛЬНЫЙ ХОД, КАТКА!
7. ПУТЕВКА В КГБ
8. ИСКУШЕНИЕ
9. К ФИЛЬКИНЫМ ОСТРОВАМ
 1. «Аннушка»
 2. Утечка мозга
10. «ВОТ ПУЛЯ ПРОЛЕТЕЛА...»

А у дельфина –
 – взрезано брюхо винтом.
Выстрела в спину -
 – не ожидает никто.
На батарее -
 – нету снарядов уже.
Надо быстрее -
 – на вираже!
 Но парус!
Порвали парус!
 Каюсь...
 Каюсь...
 Каюсь...

– Владимир Высоцкий –

Это была самая захватывающая песня моей юности. Нашей юности. Самая загадочная!

Душу леденящая! В кулак она сердце тебе сжимала, на куски рвала.

С места она тебя срывала, куда-то безудержно звала, манила...

Песня эта необъяснимая.

Безумный этот – «П а р у с».

П а р у с – Владимира Высоцкого.

И летели мы Все под этим – Парусом.

Все вместе и каждый по одиночке.

И совершали немислимые – Виражи.

Безумные Виражи – со Страной нашей безумной вместе.

Не замечая, над головами Паруса.

Рваного.

И продолжаем,

И продолжаем...

1. КТО ГРУЗИН?

– Что? Что ты сказал-то? – ну, прямо сердце всё у меня зашло куда-то. Закатилось.

И было от чего.

Секунды две тому назад, в огромном полутёмном коридоре, необъятной «коммуналки» нашей, сосед мой Вовчик, сказанул мне та-а-кое...

На ухо прошептал он мне:

– А Сталин-то, знаешь? Грузин.

– Кто? Сталин? Грузин? Да ты что говоришь-то? – это я уже сипел ему в ухо. Катались мы уже по широкому коммунальному паркету.

Вовчик на год меня старше был. Уже ходил в школу. Оттуда и принёс, по всему видать, новость эту дикую. Для нас обоих. Новость ошеломительную.

Хоть и было мне всего около шести лет тогда, грузинов я как-то уже «не очень»... Надо признать это откровенно.

А произошло это немного пораньше.

Сидел я за столом отцовским письменным, толи кубиками, толи карандашами развлекался. С полным увлечением.

Маманька входит в комнату радостно-возбуждённая. С кухни. А за ней появляется какой-то высокий толстый волосатый чёрный усатый дядька.

Мать восхищалась прямо:

– Мёд, говорите? Натуральный? И так дешево!

Волосатый журчал характерно:

– Натурально, да. Панимаишь несучаре, да. Снизу тебя которая, всегда ей несучаре, да, её нет, они мёд любят евреи, понимают мёд, вах, отличный тебе отдам, да...

И бидон на стол какой-то бухает.

Мёд, натурально, маманьке моей в банки стеклянные оттуда переливает, она бежит натурально по всей квартире деньги занимать. Хоть и шибко дешево, а натурально-не хватает.

Толстый усатый ко мне ласково подкатывается:

– Што дели-и-ишь, умний малчик, да?

Что-то я ему в ответ хмуро урчу. Сказать, что я мёд с рождения самого на дух не переносу – ни фи́га не сказать.

Мамашка денежки притаскивает, И мёду не нарадуется. И предвкушает, как нас с сеструшкой моей Иркочкой подкармливать будет. Ирка добавки канючить будет, я плевать буду, меня лупить будут: мёд у евреев по случаю перехватили, само по себе чудо небывалое.

Чёрный высокий уматывает, на прощание наставляет заговорчески:

– Саре не говори ничего. Обидится. Евреи такие они все, да. Потом ей принесу как Кутаис привезут.

Сара – это бабушка Лёхи Шиферבלата. Из квартиры под нами. Семья мало понятная была для нас. Мать лешкина то

появлялась, то исчезала. Про отца – слыхом не слыхивали. Вот тебе и евреи!

Хотя сразу после войны, чего не бывало.

Когда тысячу лет спустя, увидел в чудесном гайдаевском фильме Вождя

Краснокожих – обомлел. Это же Лёха! Не вру. Вылитый рыжий Шиферблат.

Любимым его занятием было швырять камни из нашей подворотни в дом напротив. Просто так, скуки ради.

Кстати сказать: дом этот – графа Тульева. Якобы. Судя, по другому кино легендарному – про «судьбу резидента». Или его ошибку. Не суть.

Суть в том, что я – опять не вру.

А чего Вы удивляетесь?

Великие исторические камни! Бывший легендарный Держинский район

Города Ленинграда. Улица Петра Лаврова. Ранее и теперь снова – Фурштадская. Таврический сад. Для нас – «Таврик». Далее – Смольный. Всё это с основания и – Во Веки Веков. (Тьфу-тьфу, не сглазить).

Езжайте Сами. И смотрите. И поймёте – вру я или нет. В тех Местах... Хотя. Ходят слухи, что места те..., «Таврик» – уже приватизированы. Подельниками «рыжего Толяна».

Ну, что ж. Не зря ведь, за «лихие» годы эти, у меня дома второй котяра рыжий на дух не переносит кликуху-Чубайс. Ни в какую! Чуют коты...

Мёд у нас простоял пару дней неполных. В виде мёда. Мать не успела даже меня им повоспитывать. И сеструхе Ирке-обломилось.

Расслоился тот медок халявный, у евреев перехваченный путём несправедным, на троих. На три части, то есть. Вовсе не медовые.

На воду, краску и сахар. И воняло всё это не по пчелиному.

Не довелось отведать грузинского деликатеса.

А Лёха Шифер, так его во дворе и в школе звали, пожаловался мне на бабку свою бессердечную:

– Как же! Дождёшься от неё медку. Мы только селёдку с картошкой трескаем.

Так что видел я в жизни разные еврейские семьи.

А усатый волосатый нас с маманькой не только надул, но схлестнуть, видать, хотел с Шиферблатами. С этажа с нижнего. Распря чтоб посеять.

Но ему это не выгорело. Только жаль не было рядом на него товарищей – каких надо. Бдительных.

А теперь – вот на тебе! Выдал плюху Вовчик.

Конечно он просто, видать, хотел со мной новостью поделиться. Захватывающей. Тайной почти. И поделился.

Нас – разняли. Мать увела меня в нашу огромную комнату. Окном во двор. Большущим таким окном в здоровенный двор. В семье у нас называли окно это «венецианским». Почему? Всю жизнь я удивлялся. Из Венеции его привезли что ли?

В «коммуналке» нашей процветала явная несправедливость. Не специальная, а натуральная. Как эхо прошедшей войны.

Копилась нелюбовь – в маленьких комнатuşках. Выплескивалась на жильцов больших комнат. На «господ». Ничего в этом мире не менялось.

Да и остаётся всё по-прежнему.

Страсти коммунальные булькали и кипели на кухне, в коридорах, в туалетах. Их было два, естественно. «Господский» и для слуг. И «чёрный ход», конечно же, имелся. Весь набор одним словом. Как и положено в огромных петербургских квартирах.

Наша с Вовчиком «политическая» дискуссия могла иметь весьма фиговые последствия. Особенно для нашей семьи. Если б получила она выход на просторы кухонные.

Отец-офицер. Журналист. Мать-домохозяйка. Вселились в этот «рай» с окном венециансаим родители мои – последними. После того, как на улице Рылеева дом разбомбили. К слову, уже потом я узнал: родителям давали отдельную квартиру. Даже на выбор. Мать отказалась наотрез. Страшно было. Пережившие блокаду – все были этому подвержены. На долгие годы.

Сперва жильцы маленьких комнатушек, их было пять, мнили себя королями. Топить было легче. Печки в комнатах были малые, дров требовали меньше. В нашей «зале» вообще был каминище изразцовый. Дров жрал прорву чертову.

А война кончилась, время проистекло слегка – картинка бытовая поменялась. Да ещё и дети пошли. Мы-то есть. Во всех комнатах.

А Вовчик жил только вдвоём. Со своей мамкой. Скромной, застенчивой совершенно одинокой ленинградкой. И тоже в очень большой комнате. Да ещё и с окнами на сад Таврический. Ей, понятное дело, «диспут» сынульки с соседским невоздержанным мальчиком тоже мог неизвестно как аукнуться.

Меня на коридор больше не пускали. Стоило это определённых усилий.

Кажется сеструха в школу не пошла, помогала меня караулить. Тщетно я готовил свой большой чёрный жестяной пистолет. Застрелить Вовчика. За Сталина! За Родину!

И в столе папанькином искал без пользы. Подозревал, что прячет он где-то от меня свой настоящий. «ГТ». В этом я несколько разобрался. С малых лет.

Потом мне это аукнулось. Слава Богу, очень и очень по касательной.

В тот день, уже засыпая, слышал тихий спор родителей:

– Вот и пригодилось, что не работаешь. Получится в этом от тебя польза, Катюша. Нежданная-негаданная.

– Не городи, ты, глупости-то. Чего это потащусь я с бухты-барахты?

– Знаю, что говорю. Иначе все, не дай Бог, сможем поехать. На Колыму. Только в разных вагонах.

Я ещё подумал тогда: «Колыма? Это Что? И где это? Далеко от сада нашего Таврического? А сеструха Ирка тоже поедет? Хорошо бы. Вдвоём-то веселее будет... Да и Вовчика можно взять бы...»

Я уже не сердился.

Ранняя весна была.

Мы ехали с маманькой в деревню Иваново. В новгородскую глухомань. К моей бабушке Поле. Я знал, что она там есть. Не видел её никогда. Точнее не помню. Она меня видела. Был я уже на своей Родине Новгородской. В младенчестве.

– У-у! Какой большой малец-то стал. – Встретила спокойно и добро меня бабушка. На счёт «большой» она сильно преувеличила. Размерами своими я никогда не отличался.

– Чего ж это ты сподобилась приехать-то, Катя? – это уж к матери моей.

– Да, вот. Его благодари. Внучка свою, – вдруг по-деревенски прямо заговорила одна из младших дочек бабки Пелагеи. И отвесила мне подзатыльник.

Приехали.

Чудо, какая побывка была у меня в деревне! Да и могло ли быть иначе?

Печь русская поразила меня на всю жизнь. И приковала меня к Родине моей непутёвой на всю жизнь. И опять я не вру. Ведь я же-здесь!

Хоть бабушка меня и предупреждала, а заблудился я на печи в первую же ночь. Куда ни ткнусь под утро – везде стенка. Орал дурным голосом.

Пока не сняла меня бабушка.

С той поры и по нынешние времена мнится мне, что чую я и Иванушку-дурачка и Илью Муромца.

Была в хозяйстве у бабушки коза Машка с двумя козлятами. Старательно бодала меня Машка при любом удобном случае. Не иначе, как предупреждала меня: девушка Маша не пойдёт за тебя, малец, ой, не не будет твоей

Маша! Так потом в жизни и вышло.

Бегая от шипящих гусей, наступил на маленького гусёнка. Снится бывает он мне до сих пор. Бабушка причитала, мне выговаривая:

– Ой, убью-убью, оголец, что наделал-то, окаянный!

Многие годы спустя, понял я. Это бабкино «убью-убью» – наше родовое, наследственное. Передалось «оно» мне, моей двоюродной сестре Верочке и брату Толику. А далее – надо будет поглядеть. Ежели доведётся.

За присказку эту я сам неоднократно получать буду по морде. И в прямом смысле, и в переносном. В Советской Армии не выдержу и замполиту на ухо, прямо в штабе, недалеко от Знамени Части, прошепчу не в себе новгородское наше, бабушкино: «Тронешь моих родителей – убью тебя, сука. Со мной делай, что хочешь, а...». Он – отвяжется.

А главное!

Я видел в деревне Иваново первый раз в жизни пчёл. Которые мёд собирают. Настоящий. Русский. И пасечника видел, что их пас. Был пасечник старый и добрый. С большими добрыми усами. Как у доброго дедушки Сталина.

Да, разве ж тот чёрный волосатый мог пчёл-то пасти, а? Стали б они ему мёд носить. Как же. Да, ни в жисть!

Так я думал на ивановской пасеке.

Была тогда ещё такая.

Обо всём собирался я рассказать об этом Вовчику. И сестрёнке Ирке. И Лешке Шиферблату с нижнего этажа. О русской печке, и козе, и о пчёлах.

Уже возвращаясь летом из бабушкиной деревни, сидя у окна в общем вагоне поезда «Новгород-Ленинград».

Да, ведь забыл. Не рассказал. Вот только разве сейчас...

В школу меня родители отдали в другую. Их тогда, школ, было очень много. А нас, ребят – то послевоенных сколько

было! Пошел я в школу не на улице Петра Лаврова, а на улице Чайковского.

А всё могло пойти далее по-другому. Попади я в школу, где Вовчик начал знаний набираться. Ещё с прошлого года. И мне торопился передать.

Таким вот себе вспоминаюсь я дошкольником. Малопривлекательным.

2. МЕЛЮДРАМА

«Хлеба и зрелищ!» – какие-то, в Древнем Риме что ли, массы людские настоятельно требовали у своих правителей. Жестко, видать, требовали, раз до нас их лозунг дошёл. И отклик в душах наших имеет повсеместный. И разрастается он, и ширится. (Потому, что «ширяются»?)

Требовали они у тех, у своих же, что над ними властвовали в тот исторический момент. Которым они позволили делать это. Править ими.

Значит: Мы – Люди – сперва из рядов своих выдвигаем, прямо скажем, Царей, а потом желаем, чтоб они нам обеспечивали еду и развлечения.

А ежели они нам это предоставить не в состоянии (плевать по какой причине) – начинаем бороться за их свержение. Неминуемое. Варианты тут – самые разные.

Суть – одна. Это идёт он – процесс нашей человеческой эволюции. Исторический процесс движения Земной нашей цивилизации.

Вопрос первый: «куда?»

А всё на планете нашей состоит из двух частей. Двух взаимных противоположностей. Свет – тьма, тепло – холод, плюс – минус... (С добром и злом, подозреваю я, всё несколько сложнее).

Поэтому и вопросов два. И вторым будет вопрос: «как долго?».

То есть: куда же это Мы идём и сколько будем ещё это делать?

Несогласные с такой постановкой есть? Можете высказываться, если захочется. И везде, где пожелаете. Если денег хватит. «Капусты», то есть.

Продолжим.

Цари – правят. Руководят. Так думают все. И сами Цари и все остальные. На самом деле это, конечно же, заблуждение.

Править они, какое-то время, правят. Все по-разному. В силу своих личных возможностей. По мере личной испорченности. Благодаря ей и только ей одной. Ни один трон никого ещё лучше не делал.

А руководить нами всеми? Это нельзя. Это уж – дудки. Мы всегда делали и будем делать лишь то, что желаем. Что захочет, в данный момент исторический – большинство из всех нас. Сами о том, не подозревая.

Ну, а постоянно, потихонечку, в первую очередь распределяемся мы на два основных лагеря: кому хлеб растить, а кому зрелища представлять. И кто из нас где окажется – загадочно и непостижимо.

Потому как: и туда, и туда (и пахать, и паясничать) попадают с разными способностями и без них. Уж, не говоря про желания.

И почему кому-то судьба отваливает вдруг целый талант – вообще тайна невероятная. А про «гены» лучше помолчать. Сплошь и рядом-наоборот.

Вот взять наш класс в школе на Чайковской улице.

Сперва был вообще целиком класс мужской. То есть вся школа. А на следующий год попали мы под реформу, для нас в жизни – первую. Объединили школы. Мальчиковые и девчочковые. Сейчас только становится ясно – дуновение тлетворное Запада. Можно сказать: первый шаг неосознанный к теперешней продвинутой конкретной демократии. «В натуре».

Тогда мы, ясно дело, этого не сознавали. Ни сном, ни духом.

И помню точно: на «поступление» к нам девочек – не реагировали никак.

Только классы забиты стали под завязку. А если глядеть на это, как на вливание свежей крови, на добавление новых «генов» что ли – то ни фига не получилось. Не отмечалось заметного культурного сдвига.

К точным наукам беззаветной любви никто не проявил. Физиков полоумных в своих рядах мы не взрастили. А «лириков», служителей искусств, богемы, зрелищ...?

Рядовой мы были школой. Рядом с улицей Воинова, к Смольному ведущей.

– А сейчас Яша Шафран из четвёртого «Г» класса. – Наша «классная» Софья вела школьный утренник. Не помню, уж чему посвящённый.

– Яша сыграет нам на скрипке. «Полёт шмеля», да – Яша. А ты, Фёдоров не строй рожи-то. Мы знаем все, что

ты любишь-то. Покажешь нам потом. Дойдёт и до тебя очередь.

Софья выпустила на сцену нашу крохотную, живого как ртуть, чернявенького Яшку.

Шафранчик места себе не находил. Вылетел со скрипкой и смычком уже наизготовку. Так и хотелось сказать: «к стрельбе готовыми». Яша к музыке и к скрипке относился – терпимо. А любил самозабвенно – рогатку. Играл очень бойко, без запинок, нам нравилось. Стрелять из рогатки у Якова получалось тоже весьма прилично.

«Полёт» он пропиликал кажется быстрее, чем по радио слышать нам доводилось. Мы аплодировали, не скупились. Скрипка Шафранчика тоски на нас не нагоняла. Не то, что порой из репродуктора.

– Поаплодировали Яше, поаплодировали, – Софьюшка очень к скрипкам неравнодушно дышала, – ты у нас очень способный, только неусидчивый. А в консерваторию таких не берут, – это во след она «лауреату» нашему. Которого след этот самый уже и простыл.

– А вот и Валерик Лядов. На пианино он у нас учится. Хорошо учится.

Старается. Что ты нам сыграешь? – вопрошала Софья Григорьевна у Ляды. Он стоял насупленный. Он из нашего класса был. Из четвёртого «Б».

Мы его понимали. Даже особенно и не дразнили Ляду. Когда шел он с огромной чёрной нотной папкой в музыкальную школу. Брёл натуральным образом. Как на каторгу.

– Я, это..., «пупури»

Так вот – как Валерка решил нас порадовать. Тех, кто не обречён был папку с нотами проклятыми таскать.

– А, из кого будешь, Валерик, «пурпурри» играть? – уточнить решила Софья. Чтоб нас лишний раз просветить культурно.

Ляда подумал и туманно-снисходительно пояснил:

– Пупури классическое. Из опусов форте... пьяных.

Ванька наш, Фёдоров, радовался искренне и безгранично. За музыку вообще, за утренник, за Ляду, за всех нас, за то, что скоро ему тоже предстояло играть на своём любимом инструменте – гармошке. Он кричал и все мы за ним тоже:

– Да, давай, опусов, давай, пьяных!

Ляда застучал по клавишам пианины бойчей обычного, получилось в этот раз не из-под палки. С налётом энтузиазма.

Софьюшка отпустила Ляду с некоторым сожалением и опаской.

Настало ей основное испытанье. На сцену выкатил радостный Ванюшка. На стул уселся, гармонь готов был растянуть во всю ширь, не теряя зря времени. «Классная» ладонью меха разухабистые трёхрядные попрдержала.

– И чем же нас порадуешь, гармонист ты наш? – и радуясь Федоровскому предстоящему номеру музыкальному, и побаиваясь его, спросила Софьюшка.

– Тоже могу! – вдохновенно объявил Иван. – Разные фантазии.

И тут же начал безудержно на самом деле, как бы теперь сказали, импровизировать. Тогда мы такого слова ещё не знали.

Фантазии Ванюшкины обгоняли его технические навыки. Он ведь в шко –лу музыкальную не ходил. Дома, сам, в крохотной комнатухе то ли на батькиной, то ли дедовой

гармошке упражнялся. Для души. Бабку старую тем то ли доводил, то ли радовал.

Нас он, ясное дело, не расстроил.

– А, серьёзную музыку ты можешь нам сыграть? – необдуманно понадеялась Софьюшка.

– А-а, как же! – самодовольно заявил Ванёк и тут же по залу нашему школьному поплыла жалостливая, сверхмодная в ту пору, из индусского капуровского кинофильма:

«Абара-я-а! Бродяга я, а-а-а!»

Никто нигде не ждёт меня а-а-а!»

Иван только, что не запел её. Да и не требовалось этого. Запели, кажется, её мы. Она тогда из каждой подворотни звучала.

Утренник наш двигался радостно и незамысловато.

Спонсоров для этого (Удивительно, да?) не требовалось.

У Ляды оба родителя в экспедициях подолгу работали. От него я впервые услышал, кажется, слово это. Что такая профессия существует на белом свете: в экспедиции уходить. Ничего в жизни не проходит бесследно.

Сыграло потом оно, это слово, со мной роль свою важную.

И родители «лядовы» сына в музыкальную школу определили. Помимо обычной нашей на «Чайкиной» улице. Это, чтоб он меньше по улицам без присмотра шлялся. И пианино дома, чтоб не простаивало без дела. Не ржавело почём зря. Соседка по квартире следила по мере сил и сознательности за музыкальным приобщением Валерки.

А гармониста нашего Ванюшку, не могли в самой школе музыки не заметить. В силу таланта его самобытного. Приходили тогда, бывало, на уроки соответствующие «спецы» разные. К нам прислушивались, приглядывались.